

ОБ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КЕРЧЕНСКИХ РУН

РРРА

Камень с горы Опук

Следует раз и навсегда со всей категоричностью указать на то, что рунология не в состоянии устанавливать свою собственную хронологию наряду с археологической хронологией. Рунолог в состоянии лишь определить, что данная руническая надпись относится к эпохе переселения народов, к переходному периоду, к эпохе викингов или к эпохе средневековья. О хронологической дифференциации в пределах эпохи переселения народов не может быть речи.

Э.Мольтке

Время, прошедшее со дня трагической кончины Юрия Германовича Виноградова, все отчетливее расставляет акценты и подчеркивает масштаб личности этого выдающегося ученого и незаурядного человека. Надписи прошедших эпох вновь и вновь становятся предметом исследовательского интереса, однако недавняя потеря заставляет заново переоценить стратегию и тактику исследования эпиграфических памятников. Эпиграфика Северной Европы, в частности рунических памятников, не входила в круг непосредственных интересов Юрия Германовича. И все же следование за ходом его мысли - при чтении статьи или в личной беседе, наблюдение за нетрадиционной и порой парадоксальной постановкой проблемы и столь же неожиданным ее решением, свободой ассоциаций и широтой эрудиции - все это было и остается основой школы, которую он оставил после себя, школы, в которой - по мере сил и способностей - проходил обучение всякий, кого судьба свела с Юрием Германовичем. И важно то, что принципы и заповеди этой школы неизменно подтверждают свою эффективность, в том числе далеко за пределами античной эпиграфики Северного Причерноморья, помогая решать новые задачи, встающие перед нами. Основопологающие начала анализа надписей остаются неизменными - вне зависимости от языка и места происхождения памятника, и оттого опыт Юрия Германовича и его наследие представляют непреходящий интерес, который со временем будет лишь возрастать.

Недавнее введение в научный оборот нового исторического и эпиграфического источника - рунической надписи на камне, найденном при раскопках на горе Опук на Керченском полуострове - является, безусловно, событием в отечественной и мировой науке*. Более того, опукская находка, без сомнения, имеет все шансы (при достаточно аргументированном и адекватном подтверждении аутентичности данного артефакта) претендовать на сенсационность. Сенсационность эта определяется прежде всего тем обстоятельством, что обнаружение старшесунической надписи в Крыму, к тому же на Керченском полуострове, подталкивает к совершенно определенным выводам по поводу этнической принадлежности той группы людей, которая была причастна к изготовлению и установке рунического камня. Трудно представить более яркое и живое свидетельство пребывания в Крыму германских племен, чем употребление символов в значительной степени сакрализованного алфавита, применявшегося о эту эпоху преимущественно в магических либо мемориальных целях и, следовательно, существенно менее подверженного заимствованию иноплеменниками-негерманцами.

Вторая сторона этой сенсационности обусловлена характерными особенностями самой надписи, известности стоящей особняком как в ряду синхронных (старшие руны, использованные здесь, по крайней мере приблизительно очерчивают хронологический "периметр", не простирающийся, все же, выше "темных веков") надписей континентальной Европы, так и в ряду собственно скандинавских находок. Даже предварительное знакомство с опукским камнем заставляет увидеть в нем в известной степени уникальный рунический артефакт, не находящий себе прямых аналогий в

* Автор выражает свою глубокую признательность к.и.н. В.К. Голенко за дружескую помощь и содействие в работе с уникальным памятником, а также к.и.н. М.И. Золотареву за первое знакомство с руническим камнем и ценные консультации.

известном на сегодняшний момент эпиграфическом фонде.

Такого рода находка, как явствует из нижеизложенного, а priori опровергает любое заявление о незначительности присутствия германцев на Крымском полуострове в позднеантичную и раннесредневековую эпохи, даже если бы не существовало иных - нарративных и археологических - свидетельств такого присутствия. В то же время, следует постоянно помнить и о том, что впредь до убедительного подтверждения подлинности данного археологического источника все умозаключение, его касающиеся, обречены довольствоваться почетным, но и, вместе с тем, довольно шатким статусом гипотез. Впрочем, и с учетом этого они достойны внимательной разработки.

Ответ на вопрос о подлинности камня продолжает оставаться открытым, но именно это и заставляет относиться к самому камню с повышенным интересом. При этом стоит отметить, что факторы, подчеркивающие выделяющие опусковую находку из ряда подобных, в равной степени работают как на версию фальсификации, так и на версию полной и несомненной аутентичности.

Стоит напомнить, что камень, о котором идет речь (Рис. 1, 2), был обнаружен в ходе археологических раскопок, проводившихся Южно-Боспорской экспедицией Крымского филиала Института археологии НАН Украины под руководством В.К.Голенко. Первая публикация, вышедшая в 1999 году, появилась во втором выпуске "Древности Боспора"¹ и преследовала главную цель - представить находку научной общественности и определить ее место среди круга прочих древностей раннесредневековой Таврики.

В примечании редколлегии сборника "Древности Боспора", сопровождающем статью, отмечается легковесность суждений и недостаточность аргументации, проявляемые авторами при изложении результатов своих исследований и доказательстве подлинности находки². Сразу отметим, что с точки зрения строгой научной критики, критики прежде всего с позиций рунологического исследования, под категорию "легковесных" и "недостаточно аргументированных" могут быть подведены лишь выводы, касающиеся магической интерпретации содержания как отдельных рун, составляющих надпись, так и всей надписи целиком. Но, справедливости ради, мы должны признать, что некоторые "ненаучных выводов в этой части вполне объяснима общей зыбкостью аргументационной базы там, где речь идет о магии рун.

Следует напомнить, что лавина популярной и околонучной литературы, теперь появляющейся уже и на русском языке, по сути своей базируется на чрезвычайно скудном фактическом материале. В качестве примера приведем чрезвычайно показательное и, в своем роде, эталонное издание "Руны"³. Подобные книги, заливающие лакуну читательского интереса, появляются вполне закономерно, рассмотрение же и критика их в контексте строгого научного исследования объяс-

Рис. 1.

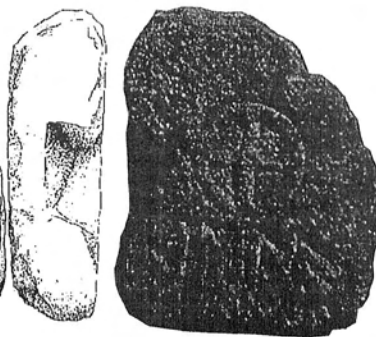

Рис. 2.

нима тем, что на их основе делаются далеко идущие выводы историко-археологического свойства. При этом большинство умозаключений о практике применения руны как элемента магии и инструмента гадания являются часто плодом фантазии авторов (либо личного опыта, что в данном контексте вряд ли может являться аргументом и сути дела не меняет). Достаточно заметить, что, например, все выводы, относящиеся к конкретной практике гадания, имеют своим источником не несколько следующих строк у Тацита: "Срубленную с плодового дерева ветку они (германцы - А.Х.) нарезают планками и, нанеси на них особые знаки, высылают затем, как придется, на белоснежную ткань. После этого, если гадание производится в общественных целях, жрец племени, если частным образом, - глава семьи, вознес молитвы богам и устремив взор в небо, трижды вынимает по одной планке и толкует предсказанное в соответствии с высоблещенными заранее знаками"⁴. Кроме этого свидетельства (которое Тацит, несомненно, приводит со слов очевидцев, и вряд ли наблюдая сам) никакими другими описаниями практики гадания на рунах мы не располагаем. В этом контексте такая немаловажная деталь, как, скажем, прямое или перевернутое положение руны при гадании, теряется совершенно, и все умоностроива по этому поводу остаются на совести со-временных авторов.

Что касается содержательной стороны вопроса, то есть магического значения отдельных рун, то источником такого знания являются фрагменты двух песен Старшей Эдды: заключительная часть "Hávamal" ("Речи Високого") - так называемый "Runatal" ("Перечень рун"), а также "Sigdrífingal" ("Речи Сигдривы"). При той путанице иносказаний и многозначности толкований возможных путей сопоставления известных нам по эпиграфическим памятникам рун старшего фюрарка с описанными руны в упомянутых эдических песнях, каковая явственно оупутана при попытках их изучения с этой точки зрения⁵, возможность сколько-нибудь научного подхода к вопросу о магическом значении известных рунических надписей, включая и опусковую, как представляется, более чем проблематична.

Необходимо отметить, что серьезные рунологические исследования и публикации, создаваемые в рамках традиционно сильных и авторитетных научных школ (датская, шведская, норвежская, британская), преследуют цель тщательного исследования филологических, эпиграфических особенностей, археологического контекста рунического артефакта, но никогда не рассматривают "потасного" магического смысла. Видимо, именно все лишнее и надуманное, и следует рассматривать керенскую находку, оставив все сверхнормативные умозаключения за рамками исследовательского сочинения.

Настоящая статья не претендует на решение вопросов, возникающих в связи с опусковыми рунами. Как представляется, находка слишком многозначна и время решения вопросов еще не наступило: сегодня мы находимся не более чем в фазе их постановки. Задачей статьи является рассмотрение характерных особенностей новой рунической находки в контексте синхронных либо же хронологически сходных, но иновременных памятников, то есть своего рода сопоставление ее с "фоном" - насколько это возможно.

Обратимся теперь к самой надписи. Обстоятельства ее находки достаточно убедительно связывают камень, несущий надпись, с кладкой стены цитадели на горе Опук. Использование каменного блока в качестве элемента кладки стенки пастушеского убежища в гроте отмечает, судя по всему, уже его третичное использование. По предположению авторов, камни были брошены на уступ, где находилась упомянутая стена, из развалов куртины с внутренней территории крепости, ибо расположение грота на краю 15-метрового обрыва исключает попадание камня сюда из какого-либо иного места. На использование камня не по первоначальному назначению (без внимания к навесинной надписи) явственно указывает находившийся на его лицевой стороне паз. Его края достаточно хорошо обработаны, чтобы мы не принимали их за случайную выемку, выбоину или работу природных сил. Прямоугольная форма паза позволяет предположить, что камень играл какую-то конструктивно важную роль, находясь в связи с другими прямоугольными камнями кладки, однако автору не представляется возможным адекватно реконструировать эту связь с архитектурных позиций. Иными словами, трудно представить, каким именно образом камень был "влителен" в кладку и во времени какого именно строительства - цитадели или пастушеского убежища - должен отнестись появление этого паза. Однако в контексте строительного, не первичного, использования камня прямоугольной выемка выглядит гораздо более убедительно, чем в контексте руничес-

кого его содержания.

Недзя исключить, что камень в том виде, в каком он дошел до нас, является лишь фрагментом плиты более значительного размера, однако надпись из четырех сохранившихся знаков выглядит достаточно завершенной, и у нас нет оснований предполагать наличие каких-либо других рунических символов, утраченных на протяжении прошедших столетий.

Вместе с тем отметим, что внешний вид как камня, так и самой надписи, как будто бы явственно свидетельствуют в пользу аутентичности памятника. Безусловно, следует однозначно высказаться за проведение более детального анализа и экспертизы камня с помощью всех доступных средств естественнонаучного круга (геологических, микробиологических и т.д.). Однако мнение специалистов-биологов, утверждающих, что возраст лишайников, находящихся на подрубках камня, окружающих надписи, не может быть менее 30-40 лет**, ставит под сомнение напрашивающуюся мысль о фальсификации, сработанной руками досужных туристов. Эта датировка, отсылающая нас к периоду 50 - 60-х годов XX-го столетия, вряд ли позволяет "свалить вину" за возмещение рунической стелы на толкинистов или любителей от рунологии иного направления. Проще говоря, в столь "отдаленные" времена - по крайней мере, в нашей стране - волна интереса к рунам и всему комплексу связанных с ними верований и магической практики со стороны непрофессионалов не достигала масштабов, хоть в малой степени сопоставимых с нынешними, когда появление подобной подделки вполне может иметь место. Проще говоря, круг лиц, способных нанести такую надпись, в нашей стране в те времена мог быть в буквальном смысле перечтен по пальцам. Это, основанное на данных биологии, соображение на сей день является главным естественнонаучным аргументом, подтверждающим подлинность и древность находки. На эту же версию работает и труднодоступность места находки, весьма удаленного и от транспортных трасс, и от традиционных туристских троп.

Еще одним, весьма убедительным, свидетельством подлинности рунического камня служит сама надпись. Руны прекрасно прорисованы, - так, что не остается ни малейшего сомнения в их идентификации и прочтении; в определенном смысле их можно считать эталонными примерами старшего рунического шрифта, более четкими по своим очертаниям, нежели в большинстве известных случаев нанесения рун на каменную поверхность. Вместе с тем, инверсивное, ретроградное положение первой руны "Ъ" в случае фальсификации смотрелось бы как признак слишком близкого знакомства автора подделки с особенностями рунической эпиграфики (подобные "орфографические ошибки" довольно обычны для известных рунических надписей), объяснимого лишь достаточным профессионализмом. Это, опять-таки, резко сужает потенциальный круг лиц, на которых может быть нами возложена ответственность за возможную фальсификацию. Таким образом, сочетание правильности надписи, ее своего рода "эталонности" - с одной стороны, и типичности (опять же, "правильности") ошибки в орфографии для этой эпохи - с другой, в совокупности своей дает именно ту гармоническую равновесность, которая вызывает доверие к данному историческому источнику.

Плита из мшишкового известняка размером 0,62 - 0,34x0,49 - 0,20 м несет на своей поверхности изображение креста в круге и однострочную руническую надпись "Þrga". Все знаки - как крест, так и сама надпись - выполнены в технике высокого рельефа. Пространство вокруг знаков и поле между ними выбрано, высота рунических знаков составляет 0,15 м, ширина линий 0,025 м.

К числу особенностей надписи, резко выделяющих ее из ряда подобных объектов, относятся, прежде всего, следующие: материал, на котором надпись выполнена; техника ее исполнения и содержание; знак креста, заключенного в круг. Не вызывает сомнения, что для аргументированной оценки как самой находки, так и сопутствующего ей возможного исторического контекста прежде всего необходимо максимально полно охарактеризовать историко-археологический фон, на котором эта надпись может быть рассмотрена и изучена.

Прежде всего, следует отметить чрезвычайно интересный и знаменательный прецедент нанесения рунической надписи на каменную стелу. Подобный факт сам по себе был бы достаточно ор-

** Информация об этом получена в ходе частной беседы с автором находки В.К. Голенко в декабре 1998 г. Она представляет большой интерес и, несомненно, камень нуждается в более тщательной экспертизе подобного рода.

диарен, если не принимать во внимание следующие обстоятельства. Надпись исполнена старинными рунами. Это достаточно однозначно указывает, как минимум, на две крайние хронологические границы, между которыми должна находиться дата ее производства: III-VII столетия нашей эры. Ранее рунические надписи в Северном Причерноморье просто не могли появиться, так как носители рунического алфавита (футарка) - германцы - до середины III в. просто не фиксируются здесь письменными и археологическими источниками⁸. К тому же, хотя Корнелий Тацит и отслеживает со всей определенностью наличие и активное использование рунических символов в германском обществе уже для I в. н. э.⁹, реальные артефакты с руническими символами известны нам в действительности только с рубежа III столетия н. э.¹⁰. Речь идет прежде всего о наиболее ранней из существующих надписей, вырезанной на лезвии наконечника копья из Эвре Стабю (Норвегия), которая традиционно датируется около 200 г.¹¹

Верхняя хронологическая граница нанесения надписи - безусловно, не седьмое столетие. Во-первых, на VI-VIII вв., "темные века" континентальной Европы, или "вендельский период" Севера, - в полном соответствии с общевропейской скудостью источникового фонда - приходится так называемый переходный период рунической эпиграфики, который характеризуется малочисленностью надписей и началом трансформации футарка¹². Редкость рунических надписей в этот период в целом делает весьма маловероятной датировку в пределах "темных веков" в том числе и керченского камня, ставя под сомнение производство надписи после рубежа V-VI столетий.

Во-вторых, хотя споры о продолжительности существования остатков готского (германского) этнического компонента в Крыму продолжаются, бытование рунической письменности в столь яркой форме весьма проблематично уже с конца IV века н.э. После гуннского погрома 375 г. держава готов (королевство Германариха) трансформировалась столь необратимо, а оставшееся в Крыму германское население стало испытывать столь мощное влияние внешних деформирующих этнических факторов, что оставление подобного памятника становится маловероятным уже для рубежа IV-V столетий. Историческая ситуация в Восточном Крыму в это время не дает очевидных свидетельств существования сколько-нибудь значительных групп населения, которые могли бы сохранить столь

Рис. 3.

характерный магический "нагруженный" и этноопределяющий элемент древнегерманской культуры, каким является руническая письменность, (что, конечно, не отвергает возможности и даже неосомненности бытования германских языков и диалектов в Крыму и после IV в.).

Подчеркнем, что речь идет о, своего рода, теории больших чисел, поскольку при отстраненной исторической реконструкции и моделировании событий прошлого вполне допустимо представить себе некий этнический осколок, веками хранящий и передающий из поколения в поколение тайну рунического письма и воздвигающий рунический камень как некий частный (семейный, родовый) - культовый или поминальный - символ. При этом данная общность уже давно находится в иноплемennom окружении. Однако, как представляется, все же логичнее предположить - как более вероятную - связь установки этого памятника со временем относительной стабильности болевшего причерноморских германцев, что возвращает нас в эпоху, предшествующую нашествию гуннов. Напомним, что руны суть нечто гораздо большее, чем просто алфавит, и употребление их, особенно в ранний период, связано практически исключительно с ритуальной практикой. В силу этого

Рис. 4.

Рис. 5.

владение неким социумом германским языком отнюдь не означает автоматического владения им также и тайной рунического письма.

Датировка крепости на г. Опук IV-VI веками дает и другую возможную точку отсчета. Учитывая, что каменная стела несет на себе явные следы вторичного, строительного использования, допустимо предположить, что она была применена в качестве простого строительного материала либо конструктивного элемента в кладке крепости. Это предположение дает, тем не менее, в качестве точки окончания жизни камня как рунического артефакта все тот же IV век. Таким образом, по совокупности обстоятельств исторического прошлого Крымского полуострова и всего Северного Причерноморья, нам представляется возможной датировка рунического камня, найденного на г. Опук, в пределах середины III - конца IV вв. В соответствии с этим, надпись на опукском камне относится к первому этапу рунического письма - так называемому "миграционному периоду" или "эпохе Переселения"¹³, охватывающей время от рубежа эр до 650 г.

Чрезвычайно интересным в контексте этой датировки становится факт установки в Крыму именно рунического камня. Большинство надписей Скандинавии, а также практически все известные надписи Центральной Европы, выполнялись в это время на предметах вооружения, рогах, браслетах, предметах декоративно-прикладного искусства, функциональных элементах одежды и конской сбруи (фибулы, пряжки поясных ремней и т.д.). Руны находились в это время в употреблении на всей территории собственно Германии в тех границах, в каких ее представляли себе римляне с эпохи Тацита, а также на территориях, заселенных перемещавшимися германскими племенами, **по наносились эти письмена исключительно на движимые объекты.** Первые, самые ранние рунические камни начинают устанавливаться в Норвегии и Швеции примерно между 300 - 400 гг.¹⁴

Дальнейшая история рунической письменности, относящаяся ко времени после ликвидации Римской Империи, связана практически исключительно с Северной Европой и прежде всего Скандинавией и Ютландией, а также Британскими островами. Германцы во вновь завоеванных землях достаточно быстро утрачивали навыки и само искусство употребления рунического письма, попадая под мощнейший пресс латинско-греческой, средиземноморской культуры, во взаимодействии с которой рождались новые романские и германские языки. Рунам же не оставалось места ни в быту, ни в сфере отправления культовых ритуалов, ни даже в гадательной практике, где, возможно, они продержались немногим дольше. Искусство рун, будучи вытесненным в маргинальные, реликтовые слои культуры, погибло в варварских королевствах уже в начале "темных веков", не оставив практически никакого следа и полностью заместившись более фонетически адекватным, удобным и пластичным (а, следовательно, более жизнеспособным) латинским письмом. Таким образом, среди тех немногих рунических артефактов, которыми представлен европейский континент, на сегодняшний момент керченская находка является, судя по всему, уникальным явлением. Допустимо утверждать, что мы имеем дело со вторым (первым был Березанский камень, Рис. 5) на сегодняшний день руническим камнем за пределами Северной Европы. Впрочем, березанская находка, как и надпись на плече пирейского льва, и имя *Halvdan* на парадете Св. Софии в Константинополе, сделаны рукой варягов поздней эпохи викингов, и являются осколками странствующей по миру скандинавской культуры, отпечатком жизненного пути оторванных от своего дома наемников

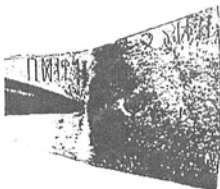

Рис. 6.

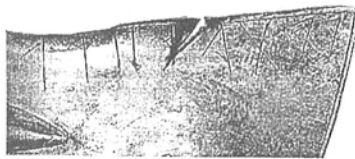

Рис. 7.

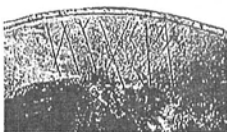

Рис. 8.

Рис. 9.

и авантюристов, т.е. в сущности могут быть отнесены нами к категории движимых предметов. Керченский камень, без сомнения, является исключением в этом ряду.

Остановимся кратко на тех рунических надписях, с которыми может быть сопоставлен наш камень. Для первого периода существования рунической письменности подавляющее большинство известных надписей выполнены на небольших, легко перемещаемых, а чаще всего постоянно носимых с собою объектах. Наиболее показательны в этом смысле предметы вооружения, которые не только принадлежат к числу наиболее мобильных представителей мира вещей, но и дают наиболее рафинированные образчики практического применения рунического письма. Среди таковых обязательно должны быть названы три находки; все они относятся к наиболее популярному, демократичному и эталонному для эпохи Великого переселения народов типу вооружения - это наконечники копий, предназначенных преимущественно для рукопашного поединка и составивших качества колющего и отчасти рубящего оружия. Во-первых, это уже упомянутый наконечник из ЭвреСтабио (Норвегия), считающийся часто наиболее ранним из известных рунических объектов и датируемый второй половиной II в.⁴⁸ (Рис. 4). Надпись из Эвре Стабио состоит из восьми рунических знаков, читающихся как *gairijar*, что в переводе означает "испытатель". Несомненно, таково было собственное имя копия, данное ему владельцем или мастером-изготовителем не без расчета на магическую поддержку хозяина в бою.

В этом же ряду стоит наконечник копья из Иллерунского болота в Ютландии, обнаруженный в 1980 г. На лопасти его лезвия нанесен зигзагообразный орнамент; кроме этого, с обеих сторон симметрично вырезаны руны, составляющие слово *ojingar* - предположительно мужское имя. Примечательно, что если одна надпись процарапана во вполне традиционной манере по уже готовому оружию, то вторая нанесена в процессе изготовления наконечника копия с помощью штампа: руны возвышаются над несколько заглубленным в поверхность лезвия прямоугольным отпечатком, образуя выпуклый рельеф. Этот факт, при всей кардинальной разнице манер исполнения,

несколько сближает наконечник из Иллерупа с керченским камнем, являясь еще одним примером рунической надписи, которая *не вырезалась*. Датируется иллерупское копье около 200 г.¹⁶

Наконец, третьим артефактом, подлежащим быть отмеченным в этой категории находок, является знаменитый наконечник копья из Ковеля (Рис. 5)¹⁷. Надпись **tilarids** означает "стремящийся, проникающий", и, также, как и в случае с копьем из Эвре Стабио, представляет собою почти наверняка имя самого оружия, верно служившего, надо полагать, своему владельцу уже довольно далеко от его северной прародини¹⁸. Эта находка показательна для нас тем, что маркирует, возможно, одну из промежуточных точек пути германцев в Северное Причерноморье и является географически одним из самых близких к нашей надписи рунических объектов.

В числе предметов вооружения, несущих на себе рунические знаки, должны быть упомянуты рукояти щитов из упоминавшегося болота в Иллеруп (Дания). Первая из них (Рис. 6) - **ni(i)jjo ta(w)ide** ("Ни сделал"), вторая, вырезанная несколько более небрежно, но совершенно сходная по манере начертания и расположению на объекте (Рис. 7), читается **laguþewa** (возможно, личное имя из двух составляющих - "вода, море" и "служитель")¹⁹. Примечательно, что обе надписи читаются справа налево.

Среди прочих предметов вооружения выделяются древо копья с о. Фюн с магической формулой **gaðaga**, убитой из Торсбьёрга (Рис. 8) и навершие ножен, найденное в Вимозе (ок. 250 - 300 г.), надпись на котором нанесена с двух сторон; с одной из них она читается как **makiða** - меч (общеевропейский суф. по всему, термин, родственный славянскому эквиваленту, ср. также фин. **miekka**, греч. **махайра**).

Весьма многочисленны на общем фоне находок рунические надписи на украшениях. В качестве наиболее показательных примеров приведем диадему из Сторупа с именем владелицы (?) **Leþro** (Рис. 9) и многочисленные брагетаты (Рис. 10)²⁰. Последние также характеризуются рельефностью изготовления самого брагетата и, в силу этого, не может рассматриваться нами как нечто типологически сходное с Керченской находкой. Стоит отметить также надписи на фибулах (Химлингёе, Вэрьёсе (Рис. 11)) и фигурку человека с сохранившейся лишь наполовину (две из четырех или пяти рук) надписью на спине (о. Фюн).

Столь навязчивая фиксация внимания читателя на рунических объектах, не связанных с рязбой по камню, оправдывается тем, что приведенный материал достаточно адекватно демонстрирует тот круг типов надписей, который являлся стандартным для рассматриваемой эпохи. Что касается рунических камней, то их появление относится, как уже было указано выше, к рубежу IV - V вв. и то лишь на территории Швеции и Норвегии. Разнообразие форм самих камней, типов надписей и расположения таковых на поверхности камня, наконец, сочетаемость надписей с сопутствующими им рисунками, дают в совокупности чрезвычайно богатую типологическую палитру. Не вызывает сомнения, что с самого конца эпохи Великого переселения народов доля рунических над-

Рис. 10.

Рис. 11.

писей на камне неуклонно и лавинообразно возрастает, уже в рамках вендельского (меровингского) времени практически высветяя надписи на движимых предметах. Для нас же в данном случае важен и примечательен факт отсутствия на протяжении почти всей истории существования рунических камней техники, идентичной примененной на Керченском камне, а именно техники высокого рельефа.

Приведем несколько примеров из различных областей Скандинавии, чтобы дать самый общий очерк вариантов нанесения руи на каменную поверхность. Поминальный камень из Истабо (Рис. 12), установленный в память некоего Херульва, отмечает тип достаточно примитивных камней с практически необработанной поверхностью. Еще более отчетливо это заметно на примере камня из Флеммесе (Рис. 13). Со временем повышается культура отделки поверхности и качество самих нанесенных руи. Постепенно увеличиваются и сами надписи, которые становятся многострочными, превращаясь в целые повести в камне (Рис. 14). Дифференцированы формы камней (Сконе, Рис. 15). Чрезвычайно частым мотивом является привнесение изображения змея - свернувшегося в бухту, повторяющего очертания периметра поверхности камня, или же завязанного одним из морских узлов (Рис. 16). Именно по его спине чаще всего пускает резчик рунический текст. Варианты сопутствующих рунам рисунков простираются от примитивных схематических набросков до перичи стили - таких, как знаменитый Большой Зверь из Еллинге XI в. (Рис. 17).

Достаточно беглого взгляда на любой из приведенных примеров, чтобы убедиться, сколь далеко в технологическом отношении отстоит Керченская надпись от эталонных памятников рунического ландшафтного творчества. Надпись на камне с г. Опук выполнена в технике высокого рельефа, что совершенно однозначно ставит ее в ряд прочих рунических камней на особое место. Практически все известные науке надписи на рунических камнях исполнены в технике энгификт, т.е. путем резки знаков на поверхность камня более или менее тонкой линией. Это - процесс во всяком случае гораздо более простой и не столь трудоемкий, как выборка камня, окружающего надписи, при рельефном изображении знаков. Мягкий и прекрасно поддающийся обработке известняк, впрочем, делал эту задачу гораздо менее трудной, однако это само по себе не объясняет факта выбора мастером именно такого способа нанесения изображения. Напомним, что Березанский камень столь же легко подвержен обработке, однако техника исполнения надписи на нем вполне традиционна.

Впрочем, было бы неверно говорить о полном отсутствии прецедентов. Церкви Скандинавии (Готланд, Ютланд и т.д.) содержат несколько надписей, типологически чрезвычайно сходных с исследуемой нами (Рис. 18). Каменная резьба в высоком рельефе порой кажется вполне идентичной той, что присутствует на опукском камне. Однако надписи эти относятся к XII - XIII, а то и к XIV вв. - времени заката рунической письменности; некоторые выполнены حتی и рунами, но полатински. Другими словами, это совершенно иной круг рунических памятников и принципиально иная культура обработки камня, по сути своей прямого отношения к искусству вырезания руи не имеющая. Техника эта опукито предстает перед нами как нечто привнесенное из иного культурного ареала, не имеющее твердых корней на скандинавской почве. Пожалуй, именно эти последние примеры дают всего больше типологических аналогий с керченской находкой, но чрезвычайно важная временная, пространный и общекультурная, если угодно, разнесенность этих памятников не позволяет установить и проследить какую-либо степень преемственности между ними.

Единственным разумным и адекватным решением данного вопроса на сей момент является констатация факта производства надписи и изображения на камне местным автором, находившимся в рамках античной традиции и хорошо владевшим техникой обработки камня. Трудно сказать, был ли он германцем или уроженцем Причерноморья, но несомненно, что доминировал: в его творческом сознании идеалы не вполне северного свойства. Весь памятник в совокупности своих черт, без сомнения, кажется более принадлежностью средиземноморского мира вещей, нежели порождением цивилизации северо-европейских народов.

Впрочем, синхронные рельефные надписи (греческие и римские) в Северном Причерноморье тоже неизвестны. Стоит заметить, что в самом Крыму эпиграфические памятники той же техники все же появляются, однако относятся они к тому же самому, весьма позднему, как и в Скандинавии, времени - XIV - XV в.в. - это надписи княжества Феодоро (Рис. 19) и генуэзских колоний. При этом несомненно, что эта техника существенно более сложна и трудоемка, нежели традиционная

Рис. 12.

Рис. 13.

ческом выводе авторов публикации о том, что резчиком был жрец-эриль²¹. Если это и пресловутый эриль, то эриль очень технологически грамотный и явно "огречившийся", использующий технические приемы, несвойственные для германцев.

В соответствии с нашей версией, местному мастеру могли просто предоставить рисунок или набросок требуемого изображения, каковое он и воспроизвел привычным для себя способом. Несомненно, это некоторое усложнение обстоятельств рождения камня, но, как представляется, вполне допустимое. В противном случае нам остается согласиться с тем, что германский резчик по

и весьма примитивная энглифика. При рассмотрении поздних рельефных крымских надписей совокуно со столь же поздними скандинавскими, возникает фон, который вызывает соблазн датировать керченскую находку временем развитого или позднего средневековья. Однако обстоятельства находки, а, самое главное, старшие руны, фигурирующие в надписи, делают эту попытку чрезвычайно проблематичной, вернее же - несостоятельной.

Моделируя ситуацию, приведшую к установке камня, возможно предположить, что мастер, **не знавший рун**, воспринимал всю надпись, наряду с крестом, заключенным в круте, как нечто единое и, возможно, по преимуществу орнаментальное. Именно в этом ключе он и изобразил требуемое заказчиком.

Таким образом, по нашей версии, разнятся непосредственное техническое авторство, принадлежавшее либо местному уроженцу, либо испытавшему сильное влияние античной культуры северянину-германцу - с одной стороны, и идея самого заказа надписи, составления ее текста - с другой. К этому выводу подталкивает и общая монументальность надписи, массивность отдельных рунических символов, ее составляющих, высокая технологическая культура производства, ощутимая даже сквозь толщу времени и, вопреки выпавшим на долю камня невзгодам, донесшая до нас ощущение завершенной и эстетически совершенной работы. Неизвестно, что хотел ощутить заказчик, задумавший осуществить эту надпись (если все же он не был ее исполнителем), но резчик определенно стремился к монументальности. Камень этот смотрелся бы вполне уместно и над входом в воротную башню крепости, и над погребением павшего воина-героя, и на месте судилища и тинга. Как материал, так и техника исполнения надписи заставляют усомниться в весьма романти-

Рис. 14

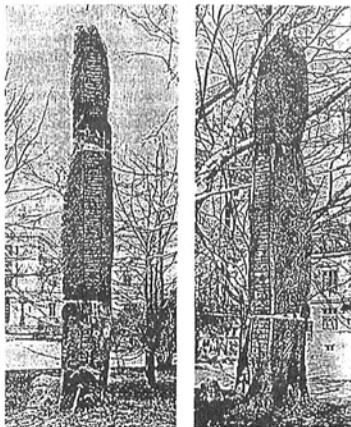

Рис. 15.

ские старинерунические надписи, читаемые в обратном порядке, как правило, инверсивны целиком или в подавляющем большинстве составляющих их знаков - сошлемся на упомянутые выше надписи на рукоятке щита из Иллеруп и умбоне из Торсбьер²¹. Во-первых, судя по всему, ориентация доминирующего числа рун, составляющих надпись, должна определять ориентацию всей надписи и, следовательно, последовательность ее прочтения. К такому выводу подталкивают весьма яркие порой примеры односторонних, но достаточно длинных надписей²². Во-вторых, не исключено, что инверсия первой руны вызвана исключительно стремлением резчика соблюсти определенную симметрию хотя бы в отношении крайних рун надписи, развернув их в разные стороны, как бы "на-ружку". Стремление к симметрии и равновесности небольших надписей, как кажется, было в чис-

камню по какой-либо причине отказался от традиционного и элементарного по исполнению стиля работы. Причиной этого могут быть либо исключительные обстоятельства установки камня, либо возможная "стажировка" мастера в одной из камнерезных мастерских поздантичного Восточного Боспора, сопряженная с усвоением им типичных способов обработки камня.

Второй загадкой опускового камня, несомненно, является сам текст, начертанный на нем. Отметим, однако, что это тот сравнительно редкий в рунологии случай, когда содержание текста вызывает меньший интерес, чем сам внешний вид артефакта.

Четыре руны, высеченные на поверхности камня, образуют слово **þrta**. Надпись читаема, но непереводима. Попробуем смысл отдельных знаков, однако они решительно не складываются в сколькую-нибудь устойчивую и связную последовательность. Впрочем, это не должно нас удивлять. Из более чем сотни старших рунических надписей примерно четверть занимают слова, предположительно относимые к категории личных имен²³. Несколько меньшее количество - просто рунические алфавиты, приведенные целиком или частично. И еще примерно четверть приходится на вовсе нечитаемые сочетания (довольно, часто, между прочим, состоящие именно из четырех, и реже - из трех, пяти или более рун) по типу надписи из мстечка Бюгм²⁴, прочтение каковой неясно. Другие примеры подобных, столь же нечитаемых, надписей - **þsr** (Хайншап), **þrae** (Херборхтинген), **þhr** (Нордендорф II)²⁵.

Инверсивный порядок в нашем случае свойствен лишь первой руне, что ставит предпочтение традиционное прочтение надписи слева направо.

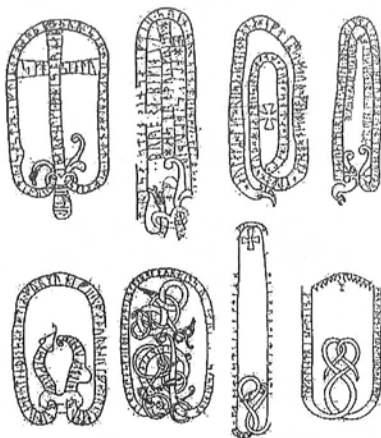

Рис. 16

Рис. 17.

ле не последних требований, представляемых авторами к своим творениям, что осудито во многих примерах, а порой являлось причиной как простых, так и весьма оригинальных лигатур и искажения формы "канонических" руи".

Магическая интерпретация надписи путем дешифровки ритуального смысла составляющих ее символов - в силу ранее отмеченной туманности исторических источников - представляется не вполне уместной. Наиболее взвешенной должна быть признана констатация того факта, что надпись с горы Олук представляет собою магическую формулу, аббревиатуру, либо неизвестное нам и, вполне возможно, сокращенное собственное имя. На сегодняшний момент не представляется возможным адекватно перевести надпись, соотносясь с готским, древнескандинавским, либо с известными лексическими осколками других древнегерманских языков. Столь же неудачны попытки отыскать аналогии в греческом и латыни. Указав на несомненную предпочтительность поиска аналогий и перевода в кругу германских языков, мы все же не можем вовсе исключить возможность нахождения ответа в языках классических или восточных, особенно если означенная надпись является именем собственным.

Последним элементом памятника, привлекающим внимание, является вписанный в круг знак креста, симметрично увеличивающий надпись и равноправный с нею как в своих размерах, так и в технике исполнения.

Адекватно истолковать значение этого знака, при всей его внешней простоте, чрезвычайно сложно. В равной степени он может быть языческим солярным символом, путешествовавшим вместе с германским племенем-носителем этого символа из далекой Скандинавии на берега Понта Эвксинского. Аналогичные кресты, вписанные в круг, до-

Рис. 18.

вообще обычны на наскальных изображениях лодок Скандинавии (Бохуслен, Скопе, Халланд) и сопредельных регионов Европейского Севера еще с неолита и эпохи бронзы (Рис. 20)²⁷. Столь же адекватно этот символ толкуется в контексте христианской символики, соотносясь с полностью идентичным знаком т.е. «просфорного креста», наносимого на хлеб для разметки его поверхности при преломлении²⁸, или «кошесного креста» (Rad-Kreuz) по терминологии средневековой геральдики²⁹.

Памятники средневековья Крыма - впрочем, достаточно по едине - также дают немало примеров использования совершенно аналогичного символа. В частности, его появление неоднократно зафиксировано в виде меток на херсонесской средневековой черепице³⁰.

С другой стороны, крест, inscribed в круг, несомненно выступает в различных культурных традициях просто как обий символ сакральности помеченного им места. Чрезвычайно же дальнее его распространение по поверхности Земли вообще дает право рассуждать на тему универсальности этого символа в общечеловеческом масштабе.

В то же время, явное тяготение находки к двум культурно-историческим ареалам - северогерманско-скандинавскому и античному поитийскому - заставляет сконцентрировать усилия дальнейшего поиска в рамках двух предложенных путей. Авторы и заказчики надписи, трудясь над ней и устанавливая, даже если и имели в виду обий смысл сакральности места, все же наверняка вкладывали в этот символ некое, неизвестное нам, конкретное и большее содержание.

Стоит отметить, что наиболее близким к исследуемому памятнику - как исторически, типологически, так и территориально - руническим объектом является знаменитый Березанский камень (Рис. 3), обнаруженный в 1904 г. профессором Новороссийского Университета Э. фон Штерном и блестяще описанный и опубликованный год спустя Ф.А. Брауном³¹. Эти надписи роднят место обнаружения (при

общей скудости рунических находок в Восточной Европе остров Березань и Керченский полуостров в сочетании дают очень высокую кучность), практически идентичный материал, выбранный для изготовления памятника, и, наконец, тот факт, что эти два объекта - единственные на сегодняшний день восточноевропейские рунические камни. Сходство материала продиктовало и отдаленное родство форм, впрочем, довольно условное.

Однако на этом сходство заканчивается. Березанский камень вполне типичен. Способ нанесения надписи, дислокация ее на обрамляющей каменный периметр полосе (упрощенное тело змея?), форма рул, а также содержание самого текста - все это не оставляет ни малейших сомнений в происхождении камня, его назначении и довольно точной палеографической датировке. Относимый к середине XI столетия памятник маркирует финальный этап участия скандинавов в судьбах Восточной Европы, когда их дружины в массовом порядке совершали переходы по пути из варяг в греки, стремясь на юг, к константинопольскому престолу, а потом возвращаясь домой, в Скандинавию. Несомненно, что довольно большое количество уроженцев северных стран прошло этот путь, особенно за несколько десятилетий правления Ярослава Мудрого, многие из них нашли здесь свой более или менее героический конец. В память одного из них, павшего, быть может, в сражении на самом острове, либо скончавшегося по дороге, на борту корабля, и был воздвигнут Березанский камень. Во всяком случае, такая версия выглядит существенно более убедительной, чем предположение о том, что камень этот - кенотаф, удаленный от места гибели поминательного воина. В этом случае камень был бы наверняка воздвигнут на его родине, в Скандинавии, чему есть множество примеров в фонде рунических камней.

Таким образом, историческая интерпретация событий, приведших к установке камня на о. Березань, выглядит достаточно прозрачной и убедительной. Совершенно иная ситуация складывает-

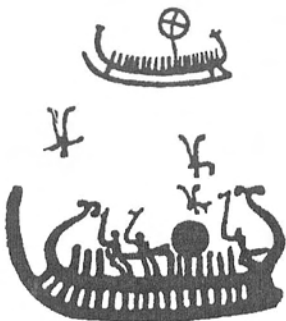

Рис. 19.

версий в равной степени может претендовать на истинность. Одновременно маловероятной следует признать попытку прямой увязки камня с распространенем среди готов христианства. Вышеуказанные массовые аналогии «колесного креста» в северном фонде памятников, связь его с кругом солнечных символов, придают солидный вес версии внутреннего, германского источника этого знака на олуковском камне. Если какая-то связь с христианством здесь и была, то она, несомненно, преломилась через призму общегерманской символики.

Повторим - надпись требует внимательного изучения. Чрезвычайно важно подтверждение подлинности памятника естественнонаучными методами. Впрочем, как кажется, подлинность надписи не должна вызывать у нас сильных сомнений. Очень важным моментом является также датировка объекта. Предполагаемая на сегодняшний день дата - середина (вторая половина) III - конец IV-го вв. Она достаточно условна и базируется прежде всего на общенсторический контекст эпохи Великого переселения народов в Восточном Крыму и на обстоятельства находки (развалины крепости и т.д.). В этом смысле весьма уместно напомнить главную идею приведенного в качестве эпиграфа высказывания известнейшего датского рунилога Эрика Мольбаке: "О хронологической дифференциации в пределах эпохи переселения народов не может быть речи"¹². Поэтому более конкретная датировка памятника, при учете его совершенной уникальности, может и не ставиться в качестве задачи на обозримую перспективу. По крайней мере, более убедительным сегодня выгледело бы сужение датировки по археологическому контексту, нежели исходи из соображений рунической палеографии.

Требуется более тщательная атрибуция надписи в контексте подобных ей памятников, т.е. экспертиза прежде всего рунологическая, лингвистическая, отчасти палеографическая и т.д. Однако надо спокойно относиться к факту, что содержание надписи останется для нас неизвестным. Вероятность этого весьма близка к стопроцентной.

Более же интересно другое. Памятник этот принадлежит к категории ярко выраженных гибридных объектов, обнаруживая переплетение традиций, разнесенных географически очень далеко - германской и античной. В более "сглаженном", завуалированном виде проблема гибридизации присутствует и оживленно и давно дискутируется в археологической литературе, посвященной Северу Европы. В эпоху викингов переплетение культурных импульсов скандинавского, финно-угорского, славянского, восточного и других стилей приводило к созданию отдельных мотивов, целых вещей и комплексов, явственно обнаруживающих сочетание разнородных источников своего происхождения. В этом контексте керченский камень является одним из наиболее рафинированных примеров чрезвычайно дальней переклички культур, воплощая в себе идею соединения едва ли не наиболее ярких проявлений двух цивилизаций, в конечном счете породивших современную Европу - рунического смысла Севера, квинтэссенции скандо-германской цивилизации, и монументаль-

ся вокруг олуковского камня. Обстоятельства его воздвижения весьма туманны и могут интерпретироваться лишь гипотетически. Типологическая уникальность объекта дает простор фантазии, сводя ее, одновременно, к сумме малообоснованных посылок. Смысловая роль камня неясна. Допустимо утверждать лишь, что камень "при жизни", во время существования его как рунического объекта, скорее всего, стоял вертикально и, вероятно, на холме или кургане. Именно такое расположение типично для скандинавских рунических камней; так, конечно же, был установлен первоначально и березанский камень. Чем конкретно он был изначально для поставивших его людей - объектом поклонения, символом места судебного разбирательства, памятником над павшим героем или кенотафом не вернувшегося из похода готского дружинника - сказать со всей определенностью сегодня нельзя. Каждая из этих

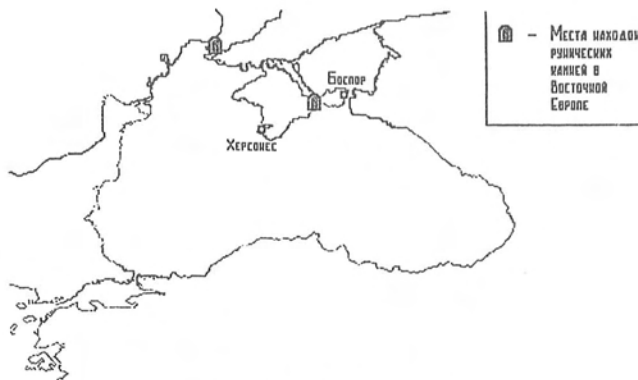

Рис. 20.

ной каменной резьбы Средиземноморья.

Одновременно этот артефакт – весьма яркое свидетельство чрезвычайно интересного процесса своего рода “разземчанивания” или, что терминологически более верно, “разгерманивания” готов-германцев, оказавшихся в аркаде средиземноморской цивилизации. Подвергнисье мощнейшему и непосредственному влиянию прежде всего античной, восточной, а также христианской культуры, германцы прогрессирующими темпами утрачивали этническую самобытность. И “пойманый”, как при стробоскопической вспышке, момент постепенного исчезновения элементов их культуры, зафиксированный онукским камнем, принципиально важен. Северные руны, вытесненные в античной по существу технике, маркируют постепенный и, вместе с тем, чрезвычайно быстрый процесс развоплощения грозных северных завоевателей, которым через несколько десятилетий придется уступить историческую сцену Северного Причерноморья другим племенам и народам.

Примечания

1. Голденко В.К., Юрочкин В.Ю., Силько О.А., Джаван А.В. Рунический камень с г. Олук в Крыму и некоторые проблемы истории северопричерноморских германцев // *Древности Бостора. Вып. 2*, М., С. 77-97.
2. Там же. С. 77.
3. Руны. М., 1998.
4. Корнелий Тацит. *Сочинения*. СПб., 1993. С. 341.
5. Старшая Эдда // *Бенульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах*. М., 1975. С. 202-204, 285-286.
6. Руны. М., 1998. С. 35-43.
7. Голденко В.К., Юрочкин В.Ю., Силько О.А., Джаван А.В. Указ. соч. С.77.
8. Бродягина В.П. Готы и этноз Великого переселения народов. СПб., 1999. С. 91, 96, 102-104; Ниоро Н.С. *Крмьская Готия*. К., 1990. С. 36-43.
9. Корнелий Тацит. *Указ. соч.*, С. 341.
10. Макаев Э.А. *Язык древнейших рунических надписей*. М., 1965. С. 3, 20-22.
11. Ясёр В.Л. *Норвежский язык*. М., 1961. С. 3-5.
12. Макаев Э.А. *Указ. соч.* С. 4.
13. Moltke E. *Runes and their origin. Denmark and elsewhere*. Copenhagen, 1985. P. 24.
14. *Ibid.* P. 27.
15. Ясёр В.Л. *Указ. соч.* С. 4-5.
16. Moltke E. *Op. cit.* P. 95-97.
17. Шумовский А. Отрыв с рунической надписью, найденное в Сушично // *Вестник археологии и истории*. 15-тн. VII. СПб., 1990. С. 219-221.
18. Мельникова Е.Б. *Скандинавские рунические надписи*. М., 1977. С. 134-139; *Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. - первой половине I тысячелетия н.э.*. М., 1993. С.189, 191.
19. Moltke E. *Op. cit.* P. 96-99, 101.
20. Gaimster M. *Vendel period bracteates on Gotland: On the significance of Germanic art*. Lund., 1998. P.21,23,44, 215.
21. Голденко В.К., Юрочкин В.Ю., Силько О.А., Джаван А.В. *Указ. соч.* С. 78-80.

22. Микаел Э.А. Указ. соч. С. 117-145.
23. Там же. С. 100-116.
24. Moltke E. *Op. cit.* P. 99-106.
25. Alktein F. *Tautmann-Nehring E. Kimbern und Ripen. München, 1939.* S. 26-27.
26. Хэлион А.А. О новой рунической надписи // *Эпоха средневековья: проблемы истории и культуры. Тезисы докладов XVIII всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Санкт-Петербург, 23-27 ноября 1998 года.* СПб., 1999. С. 29-30.
27. Фюн Фаркс Н. Судна викингов. Л., 1981. С. 6.
28. Каз.П. История развития формы креста. *Краткий курс православной стенографии.* М., 1997. С. 13-14.
29. Поссман П. *Deutsche Wappenkunst.* Leipzig., 1939. S. 27.
30. Якобсон Л.Л. Средневековая Херонес. *XII-XIV вв.* М.-Л., 1950. С. 122, рис. 87; С. 143. № 301, 304; С. 144. № 315.
31. Бруни Ф.А. Шведская руническая надпись, найденная на о. Березини // *ИВК. Вып. 23.* С. 66-75.
32. Moltke E., 1937. (Рун. на кн.) W. Krause. *Runicinschriften im alteren Futhark* // "Arkie", Bd. 5,3, S. 109.